
В.М.ЖИРМУНСКИЙ

**К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНЫХ
СКАЗОЧНЫХ СЮЖЕТАХ***

Вопрос о наличии между сходными фольклорными сюжетами типологических аналогий или контактных взаимодействий есть прежде всего вопрос исторический. Он должен рассматриваться не абстрактно, а с учетом конкретных условий исторического развития народов и культурного взаимодействия между ними. На разных ступенях исторического процесса различные фольклорные жанры обнаруживают разную «проницаемость» для международных влияний (термин, получивший распространение в советском языкознании для возможных взаимодействий между разными языками).

В другом месте мы говорили, что сходные черты в героическом эпосе различных народов в значительной степени объясняются типологическими аналогиями. Эпос представляет историческое прошлое народа в масштабах героической идеализации; как писал Д.С.Лихачев, он воплощает в поэтической форме понимание и оценку народом своего прошлого. Поэтому эпос не «мигрирует» и сравнительно редко заимствует сюжеты и образы у других народов.

Иначе обстоит дело с народной сказкой. Способность сказки переходить от народа к народу и перевоплощаться в национальные

* Печатается по: Жирмунский В.М. Сравнительное литературоведение. — Л., 1979. — С. 336—343.

формы, сохраняя международную структурную основу, обусловлена, с одной стороны, занимательностью ее содержания, волшебного или анекдотического, отсутствием в ней специальных национально-исторических и географических приурочений, характерных, например, для местных преданий (*Lokalsagen*); с другой стороны, ее прозаической формой, облегчающей пересказ с одного языка на другой, и одновременно творческие подстановки, связанные с местным колоритом, с приспособлением к другой национальной среде.

Международный характер имеют сюжеты очень многих известных нам европейских и азиатских сказок — волшебных, животных, новеллистических и анекдотических. Об этом с несомненностью свидетельствуют многочисленные каталоги международных сказочных сюжетов, составленные по «системе Аарне» (Аарне — Томпсон, Аарне — Андреев и ряд других национальных каталогов, группирующих сказки данного народа в рамках этой общей системы). К таким международным сказочным сюжетам принадлежат, например: сказка о царевиче и жар-птице, «Конёк-горбунок», «Кот в сапогах», «Спящая красавица», «Золушка», «Мальчик с пальчик», сказка о ловком воре («Сокровищница Рампсенита»), муж и жена («Кто заговорит первый»), три желания; волк (или медведь) и лиса у проруби; как лиса крадет рыбу с воза, притворившись мертвой, и многие другие. А.М. Горький писал по этому поводу в предисловии к «Книге тысячи и одной ночи»: «Ученые специалисты установили, что сказки китайцев были собраны и уже напечатаны за 2200 лет до нашей эпохи... и что в этих сказках есть много общего по темам, по смыслу со сказками индусов и европейских народов. Это утверждение дает мне право думать, что вопрос о распространении сказок правильно решают те специалисты, которые — как наш знаменитый Александр Веселовский — объясняли тематическое средство и широчайшее распространение сказок заимствованием их одним народом у другого».

По отношению к таким сложным по своему сюжету сказкам, как, например, сказка об Иване-царевиче, жар-птице и сером волке в ее русской, немецкой и узбекской редакции («Царевич Хасан-паша»), нельзя говорить о внутренней логике развития сюжета, так как отдельные эпизоды таких сказок в своей последовательности обычно нанизываются друг на друга как цепь приключений, без внутренней логической необходимости, что видно, в частности, и из

того обстоятельства, что некоторые из этих эпизодов легко выпадают или замещаются другими без ущерба для целого. Поэтому можно, например, утверждать, что в сказке о Золушке общая тема злой мачехи с ее дочерьми и юной падчерицы, или мотив лежанья в золе очага, или помочь умершей матери, а в более архаических версиях — дерева, выросшего на ее могиле, или чудесного животного (тотемного предка) объясняются сходными социальными отношениями, обычаями и верованиями и потому могут наличествовать независимо друг от друга в сказках самых разных народов, однако это никак не может относиться к цепи последовательных эпизодов, составляющих конкретный повествовательный сюжет этой сказки.

Между тем до сих пор голословно повторяется утверждение, будто сказочные сюжеты подобного рода могут «самозарождаться» либо на основе одинаковых обычаем и верований, как утверждают некоторые представители антропологической школы на Западе, либо на основе одинаковых социальных отношений, как сказали бы наши «антимиграционисты». Поскольку такое утверждение обычно ничем не доказывается, а только постулируется и потому может показаться неоспоримым и теоретически правильным, попробуем опровергнуть его бесспорными фактами.

Во многих волшебных сказках встречаются вставные стихи. Стихи эти обычно очень стойки и переходят в довольно точном переводе из одной национальной версии в другую.

Известная сказка об Аленушке («Братец и сестрица», каталог Аарне, № 450) в кратком переложении Н.П. Андреева имеет такой сюжет: «Брат превращается в козленочка, живет с сестрой в лесу; царь женится на ней; мачеха топит ее и заменяет родной дочерью; козленочка хочет зарезать; все выясняется».

В «Сказках» Афанасьева и в большинстве других русских вариантов имеется следующий стишок (диалог братца и сестрицы у пруда).

Козленочек, прибежав к пруду:

— Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бережок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,

Хотят меня зарезати!

Аленушка со дна пруда:

— *Иванушка-братец!*
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Из многочисленных разноязычных версий ср., например, итальянскую:

- *Sorellina mia,*
- *Il coltello ammolato.*
- *Il secchio preparato,*
- *Mi vogliano ammazare.*

- *Fratellino mio,*
- *Io sono dentro nel pozzo.¹⁾*
- *Non te posso diffendere.*

Или немецкую:

- *Ach, Schwesterchen, errette mich!*
- *Des Herren Hunde jagen mich!..*

- *Ach, Brüderchen, gedulde!*
Ich lieg' im tiefen Grunde;
Die Erde ist mein Unterbett,
Das Wasser ist mein Oberbett.
Ach, Brüderchen, gedulde!²⁾
Ich lieg' im tiefsten Grunde.

Или узбекскую:

— *Сестрица, милая моя сестрица!*
Царь велит зарезать твоего братца.

*У царя злые и лживые жены.
Уж приготовил веревку резник,
Уж точит свой нож резник,
Скажи, как мне спастись от смерти?
— Братец, милый мой братец!
Как мне помочь тебе?
Я не могу тебе помочь,
Я сижу в серебряных палатах...*

Несмотря на незначительные различия в частностях, было бы парадоксально утверждать, что эти стихи (как и отраженный в них повествовательный сюжет) не связаны между собой генетически и возникли независимо друг от друга под влиянием сходных общественных условий, обычая или верований.

Таким образом, распространение сказок от одного народа к другому путем заимствования (как формулировал это А.М. Горький) — факт совершению несомненный. Игнорирование этого факта привело к тому, что исследователи национальной сказки, не учитывая международного характера многих сказочных сюжетов, часто принимали за черты специфически национальные то, что на самом деле является международным сказочным достоянием. Между тем именно сравнительное изучение различных национальных версий того или иного международного сказочного сюжета позволяет наиболее наглядным образом установить своеобразие каждой из них и то специфическое национальное содержание быта, социальных отношений и народной идеологии, которое наполняет и видоизменяет в определенном направлении традиционную международную сюжетную схему и делает сказку культурным достоянием именно этого народа.

В области изучения международного распространения сказочных сюжетов в зарубежной фольклористике до недавнего времени всецело господствовали методология и методика так называемой финской школы. Та и другая давно уже были предметом справедливой критики в советской науке о народном творчестве.

Несомненная заслуга финской школы — требование полноты документации, т.е. максимального широкого и систематического собирания и изучения вариантов (требование, ставшее общепринятым и независимым от финской школы). Специфической для финской

школы является методика исследования: монографически изолированная реконструкция археотипа данной сказки по всем ее вариантам, определение места и времени ее происхождения и путей дальнейшего распространения — все это на основе чисто механического подсчета и сопоставления отдельных элементов сказки, мотивов и эпизодов, из которых слагается сюжет. Сопоставление это молчаливо исходит из неправильной предпосылки, будто всякое варьирование изолированного элемента имеет чисто механический, а не творческий характер, т.е. основано на ошибках памяти и случайных ассоциациях — явлениях, характерных для периода упадка и разложения фольклорной традиции, с которыми по преимуществу сталкиваются западные исследователи на своем национальном материале, а не для творческого периода устного народного искусства. При этом совершенно игнорируется место и роль мотива в функциональной структуре сказки как целостного поэтического произведения. Поэтому выводы финской школы о происхождении и развитии той или иной отдельной сказки имеют случайный и часто сомнительный характер, как это признал однажды и глава школы Карл Крон, оспаривая результаты исследований Лутца Маккензена, одного из ее наиболее авторитетных адептов: «Я сам в ряде случаев был вынужден изменять свои рассуждения на совершенно противоположные».

Существенную роль в этих неудачах играет и неполнота свидетельств. Европейская сказка всегда представлена в таких исследованиях огромным материалом современных фольклорных записей; напротив, современный Восток — в первую очередь Индия, Иран, арабский мир, Средняя и Юго-Восточная Азия — очень мало известен европейским фольклористам, несмотря на богатую документацию литературными памятниками прошлого («Панчatantra» и ее ответвления, «Тысяча и одна ночь», «Повесть о семи мудрецах», «Книга попугая» и другие сборники, имевшие широкое распространение в средневековой Европе в многочисленных переводах и обработках). А между тем хотя факты и опровергают исключительность теории «индианистов» (Бенфея, Коскена и др.), все же представляется вполне вероятным, что родиной большого числа — по крайней мере волшебных — сказок являются именно Передний и Средний Восток, откуда они заимствовали и свой волшебный колорит, и многие необычные для Запада бытовые мотивы. Можно думать, что ключ проблемы происхождения сказки (по крайней мере волшеб-

ной) может быть найден именно на Востоке и что вопрос о ее распространении есть прежде всего вопрос о культурных связях Востока и Запада, о которых неоднократно писал наш юбиляр. Не следует забывать, что до XIV—XV вв. (точнее, до эпохи первоначального накопления и колониальной экспансии народов Западной Европы) в этом общении Востока и Запада, которое требует самого пристального изучения, активность принадлежала главным образом более высокому по своему культурному развитию Востоку.

Между тем за рядом сомнительных по своим результатам частных исследований финской школы в сущности до сих пор остался нерешенным основной общий вопрос: в каких культурных центрах, когда и при каких исторических условиях зародилась сказка, какими путями и в какое время она распространялась и — прежде всего — когда сложилась историческая общность, объединяющая в настоящее время Европу с Западной и Средней Азией и Северной Африкой и каковы географические границы этой общности? Ответы на первый вопрос колеблются у разных зарубежных ученых от эпохи неолита (фон Сидов) до позднего средневековья (Весельский). В промежутке находятся: культурные связи Древней Греции с Египтом и Месопотамией (в начале I тысячелетия до н.э. и раньше); греческая колонизация Малой Азии и Причерноморья, создание эллинистических государств в Египте и Передней Азии (с IV в. до н.э.), в дальнейшем поглощенных Римской империей и ее наследницей — Византией (до середины XV в.); период буддистской экспансии из Индии (со второй половины I тысячелетия до н.э.); арабские завоевания и создание халифата (с VI—VII вв. н.э.) с центром арабской культуры в Испании (с VIII по XV в.); крестовые походы, монгольские и турецкие завоевания (с XI по XV в.) и др.

Некоторые хронологические и географические ориентиры лишь в редких случаях даются нам показаниями древних письменных источников: сохранением в древнеегипетском папирусе XIII в. до н.э. сказки о двух братьях, в «Одиссее» — международного сказочного сюжета об ослеплении одноглазого циклопа-людоеда и другого сказочного сюжета о возвращении мужа на свадьбу своей жены, у Геродота — египетской сказки о ловком воре («Сокровищница Рампсенита»), в «Золотом осле» Апулея, связанном с эллинистическим Востоком, — сказки о любви Амура и Психеи, в индийском сборнике «Панчтантра» — большого числа животных сказок древнего проис-

хождения и т.п. Однако мы не можем разделять наивную точку зрения А.Весельского, характерную для современного книжного ученого, будто всякая устная народная сказка имеет письменный источник. Отсутствие письменной фиксации сказки не может служить основанием для хронологических умозаключений *ex silentio*. О возможности многовекового «латентного» (скрытого) периода устного существования произведений коллективного народного творчества неоднократно справедливо напоминал патриарх мировой романистики Рамон Менендес-Пидаль. Поэтому скучные вехи письменных источников не могут служить указанием для определения первоначальной родины сказки, а для датировки происхождения ее они являются только термином *ad quem*.

Точно так же не могут нас удовлетворить и многочисленные национальные каталоги сказочных сюжетов, составленные методами финской школы. Все они ориентированы на систему Аарне, полезную для первоначальной регистрации описательного характера, как была когда-то система Линнея в ботанике, но игнорирующую более глубокие и органические структурные связи между мотивами сказочного сюжета, отдельными сказками и группами сказок. Чем дальше от европейского центра, тем более эта система обнаруживает свою несостоятельность вследствие растущего местного своеобразия.

Приведем пример.

В сказках бразильских индейцев широко представлены сюжеты о звере, женихе или невесте человека (жених — ягуар или невеста — тапир), которые могут быть сопоставлены с аналогичными сюжетами каталога Аарне (жених — медведь, волк, осел; невеста — царевна-лягушка, змея, лань и т.п.). Однако такое сопоставление имело бы чисто внешний характер.

В бразильских сказках юноша или девушка, пропавшие в лесу, через несколько лет возвращаются в родное селение вместе со своим звериным супругом. Тапир помогает новым родичам собирать для пищи ранее неизвестные им коренья, ягуар — охотиться за лесными зверями. Но люди не могут ужиться с диким животным и прогоняют его из своего селения, тем самым лишая себя навсегда его помощи и временного благополучия.

В этих бразильских сказках полностью отсутствует характерная для европейских волшебной романтика; расколдование любовью, верностью или бесстрашием сказочного царевича или царевны, пре-

вращенных в дикого зверя (ср. «Аленький цветочек» и др.). Можно говорить лишь о типологически сходных предпосылках первобытной культуры и идеологии, породивших представление о возможности брачного общения и совместной жизни человека и животного, но характер сюжета не дает никаких опорных точек для сравнения.

То же самое можно сказать и о животных сказках народов Черной Африки. Среди них встречается немало рассказов о маленьком, но хитром и коварном зверьке, которому удается выйти победителем из соревнования с самыми крупными и сильными хищными животными. Как сообщает Д.А.Ольдерогге, у народов банту в такой роли выступает хитрый заяц, в Западном Судане — паук, у готтентотов — заяц и черепаха и др. В сказках народов Европы и Азии, отложившихся в каталоге Аарне, эта роль, как известно, принадлежит лисе. Однако и здесь сходство сюжетов чисто типологическое. Различие заключается не в простой замене одного животного другим с сохранением одинаковой сюжетной схемы: сюжеты африканских сказок в большом числе случаев совершенно не совпадают с европейскими.

Таким образом, мы приходим к выводу, что общность сказок, объединяемых каталогом Аарне, отражает исторически сложившуюся общность определенного культурного ареала, объединенного длительными контактами, и что тем самым она имеет исторически обусловленные границы. Но где проходят границы этой общности? Входят ли в нее, например, Китай, Вьетнам, Индонезия — или Корея, Япония? Образцы индонезийских сказок как будто показывают, что где-то в районе Сулавеси прекращается мощная экспансия индийских сказочных сюжетов, систематизированных каталогом Аарне, и на первый план выступают сюжеты нам незнакомые. С другой стороны, на территории Африки, кроме Магриба и Восточного Судана, вся обширная область суахили развивалась, по-видимому и в отношении фольклора, под сильнейшим арабским влиянием, с которым связаны не только анекдотические сказки об Абу Нивасе и Гарун-аль-Рашиде, но также многие сюжеты волшебных сказок и сказок о животных, не проникших к другим народам Черной Африки.

Поэтому вполне понятно, что составитель каталога китайских сказок Вольфрам Эберхард вынужден был совершенно отказаться от системы Аарне, хотя он в общем примыкает к методике и методологии финской школы. Но он не применил эту систему и в своем более новом каталоге турецких сказок, составленном в 1953 г. совместно с

турецким фольклористом Пертев Найли Боратавом. Однако и исследователи русских сказок — несмотря на существование адаптированного каталога Аарне — Андреева, также содержащего большое число сказочных типов, отсутствовавших у Аарне (всего, по подсчету составителя, 74 номера), — во многих случаях недоумеваю, как приспособить реальное многообразие русских сказок к формально описательным схемам общепринятой каталогизации. Число таких случаев, как и следовало ожидать, непрерывно возрастает по направлению к границам культурного ареала, а за его пределами система в целом перестает быть пригодной для пользования.

Спрашивается, не следует ли, учитывая указанные обстоятельства, перестать трактовать эти «новые» (с традиционной точки зрения!) сюжеты как приложения и дополнения к старому европейскому каталогу, построенному без их предварительного учета? Не следует ли нам в сказках перечисленных выше народов, стоящих в настоящее время в центре наших общественных симпатий и научного внимания, поискать своих собственных сюжетных (структурных) закономерностей, которые потребуют нового каталога, построенного по иной, в научном отношении более рациональной системе?

1967

Примечания

¹ « — Сестрица моя! Ножик наточен, котел готов. Меня хотят зарезать.

— Братец мой! Я в глубине колодца, не могу тебя защитить».

² « — Ах, сестрица, спаси меня! Собаки хозяина гонятся за мною...

— Ах, братец, потерпи! Я лежу на глубоком дне. Земля — мое ложе. Вода меня покрывает. Ах, братец, потерпи! Я лежу на глубоком дне».